

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ СТЕЛЛЕР. ПЕРВЫЕ ОПИСАНИЯ ЖИВОТНОГО МИРА КАМЧАТКИ, АЛЯСКИ И АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ

Человек столь основательного образования, такого неограниченного стремления к знанию и таких научных заслуг, каким был знаменитый по своим путешествиям в Камчатку и Америку адъютант Академии Георг Вильгельм Стеллер, заслуживает биографии более основательной

П. С. Паллас [1, предисл.]

Редко кому из ученых посчастливилось навечно связать свое имя с судьбою какого-либо животного. А вот Георгу Вильгельму Стеллеру (1709—1746) это удалось. Он подарил человечеству описание морской коровы и тем обессмертил себя. Стеллер открыл это животное во время знаменитого морского путешествия из Петропавловска к берегам Аляски под водительством капитана-командора Витуса Беринга. Но это лишь малая доля вклада Стеллера в отечественную и мировую науку. Стеллер впервые описал животный и растительный мир берегов Аляски, Командорских островов, Камчатки. Его первые в мире описания морской коровы, сивуча, северного морского котика и калана были выдающимися зоологическими произведениями первой половины XVII в. Он первым в отечественной науке провел, говоря современным языком, экологические исследования.

Георг Вильгельм Стеллер родился 10 марта 1709 г. в Виндсгейме, небольшом свободном городе во Франкони. Отец его был органистом, и мальчик, имевший прекрасный голос, получил блестящее музыкальное образование. Окончив в 1729 г. местную гимназию (латинскую школу), Стеллер поступает в том же году на теологический факультет Виттенбергского университета, который в то время был оплотом лютеранства. Лекции ортодоксальных профессоров были оторваны от реальной жизни. Проучившись два года, Стеллер оставляет Виттенберг и для продолжения образования посещает Лейпциг, Иену и Галль, славившиеся своими университетами. В 1731 г. Стеллер поступает в Галльский университет. Здесь он получает великолепное по тем временам образование: становится кандидатом теологии, приобретает на медицинском факультете глубокие знания в медицине, естествознании, под руководством профессора зоологии И. Коссебома, выдающегося анатома XVIII в., овладевает твердыми навыками анатомирования [2, с. 33]. Получив звание приват-доцента, Стеллер преподает ботанику в знаменитых школах А. Франка в Галле¹. Интересные, живые лекции Стеллера привлекали много слушателей. Их высоко ценил профессор медицины Ф. Хофман, который «вместе с Г. Бургавом в Лейдене делил репутацию величайшего медицинского светила в Европе» [Там же]. По совету Хофмана, Стеллер держал квалификационный экзамен в Медицинской обсерватории в Берлине у знаменитого профессора ботаники М. Лудольфа. Экзамен он выдержал блестяще, но кресла профессора ботаники не добился². Стеллеру была уготована другая судьба — полная лишений и трудностей судьба путеше-

¹ А. Г. Франк (1663—1727) — знаменитый немецкий богослов и педагог. В 1702 г. основал в Галле при сиротском приюте знаменитые учебные заведения, носившие его имя.

² Король Фридрих Вильгельм (1688—1740), курировавший университет в Галле, не считал нужным иметь в нем профессора ботаники.

ственника-первооткрывателя. Он решил искать счастья в России. Не имея средств на дорогу в Петербург, Стеллер добирается до Данцига, где стояла тогда русская армия, нанимается в нее хирургом и в ноябре 1734 г., сопровождая раненых при осаде Данцига русских солдат, прибывает в Петербург.

Петербург. Важное значение в судьбе Стеллера сыграло его знакомство в Петербурге с видным просветителем петровской эпохи, сподвижником Петра I, бывшим новгородским архиепископом Феофаном Прокоповичем (1681—1736). Прокоповичу импонировали эрудиция молодого ученого (глубокие ботанические и медицинские знания), его живой, яркий ум и веселый нрав. Стеллер становится его лечащим врачом. От Прокоповича, хорошо осведомленного о делах Академии, Стеллер узнал о Камчатской экспедиции Беринга. Желая получить побольше сведений о неизученных таинственных территориях Восточной Сибири, он знакомится с известным исследователем Сибири Д. Г. Мессершмидтом. Трудности путешествия, о которых рассказал Мессершмидт, не только не остановили Стеллера, но, наоборот, еще более усилили его стремление посетить отдаленные восточные окраины России. В осуществлении желания Стеллера большую роль сыграл Прокопович, который содействовал его приему в 1737 г. на службу в Академию наук в качестве адъюнкта натуральной истории при Камчатской экспедиции.

Путешествие по Восточной Сибири. В конце 1737 г. Стеллер вместе с живописцем Декерном отправился в карете из Петербурга в Сибирь. Путь его проходил через Новгород — Тверь — Москву, далее по рекам Оке и Волге до Казани, затем — Екатеринбург — Тобольск — Кургут — Нарым — Томск, куда прибыли осенью 1738 г. Здесь Стеллер заболел горячкой, причем в такой тяжелой форме, что опасались за его жизнь. Но крепкий организм взял вверх. Из Томска Стеллер поехал в Енисейск, где тогда находились академики Петербургской академии наук Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. 20 января 1739 г. Стеллер встретился с ними. В своей книге «*Reise durch Sibirien*» Гмелин оставил воспоминания о Стеллере, отметил его удивительную непритязательность, редкую выносливость, работоспособность, поразительную приспособленность к путешествиям. «Он,— писал Гмелин,— вовсе не был обременен платьем... ни парика, ни пудры он не употреблял, и всякий сапог и башмак были ему впору... При этом его несколько не огорчали лишения в жизни; всегда он был в хорошем расположении (духа)... Несмотря на всю беспорядочность, высказываемую им в его образе жизни, он, однако, при производстве наблюдений был чрезвычайно точен и неутомим во всех своих предприятиях; так что в этом отношении у нас не было ни малейшего беспокойства. Ему было нипочем проголодать целый день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки». (цит. по [3, с. 591]).

Из Енисейска Стеллер через Красноярск, Иркутск, Баргузин, Кяхту прибыл в Забайкалье. Здесь до него из натуралистов побывал только Мессершмидт, оставивший заметки о природе края, его животном мире. Стеллер собрал в Забайкалье ценные материалы: большие коллекции животных, много гербариев с неизвестными растениями, которые послал в Петербург в Академию наук.

Но главной целью ученого было попасть на Камчатку, участвовать в плавании в составе экипажа Беринга. Стеллер предложил капитану-командору свои услуги в качестве натуралиста, просил взять «его в вояж, письменно объявив, что в сыскании и в пробовании металлов и минералов надлежащее искусство имеет и что в том вояже сверх того чинить будет по своей должности разные наблюдения, касающиеся до истории натуральной и народов и до состояния земли и протчаго» [4, л. 66—68]. Беринг дал согласие.

Плавание к берегам Америки. 4 июля 1741 г. Стеллер на пакетботе «Св. Петр» под командованием Беринга отправился в морское плавание к берегам Америки. До нас дошел ценнейший исторический документ об этом героическом плавании — дневник ученого. В нем сделаны записи о курсе судна, всех происшествиях во время плавания, встреченных островах, их животном и расти-

тельном мире. Дневник раскрывает и личность автора — человека находчивого, горячего и бескомпромиссного, высказывавшего свои взгляды, невзирая на лица, что нередко приводило к конфликтам.

Поднимаясь постепенно на север, пакетбот «Св. Петр» оказался недалеко от Алеутских островов, но Беринг и его помощники не подозревали об этом — увидеть острова мешал туман. Стеллер же, видя, что с севера течением приносило много водорослей, актиний, и что стаи чаек тянулись именно туда, отмечал в дневнике: «Плыли вдоль земли» [1]. Он советовал офицерам повернуть на север, но к его мнению, к сожалению, не прислушались. В результате проплыли мимо островов, потратив много дней впустую, что в последующем обернулось трагически. Большую ценность представляет описание Стеллером природы открытого мореплавателями около Аляски о. Каяка, которому дали имя «Св. Илья». Беринга научные исследования интересовали мало, и Стеллеру пришлось проявить всю свою волю и характер, чтобы добиться разрешения посетить остров. На берег были отправлены два бота, чтобы найти гавань и набрать пресной воды. «А меня, — писал Стеллер, — ни на первом... ни на втором же боте на берег пустить не хотели... но как я усмотрел, что... ласковыми словами ничего учинить не могу употребил уже жестокие слова ему, капитану-командору... что я Высокоправительствующему сенату на него, капитана-командора, под таким видом буду протестовать, чему он был достоин» [5, с. 271]. Только тогда Беринг разрешил ученому отправиться в сопровождении одного казака на остров на 6 часов. «А что я в 6 часов один только сделал, то праведные судьи подлинно рассмотреть могут, ежели бы по моему желанию надлежащее вспоможение учинено было, сколько бы еще там будучи полезного чего учинить мог... На другой день прежде восхождения солнца, поднявши якорь, отправились в вояж якобы только для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды приходили» [там же]. И все же ученый успел описать остров, его фауну и флору (нашел 160 видов растений), условия быта его обитателей (туземцев увидеть не удалось — они скрылись), своеобразный способ варки мяса животных в выдолбленном стволе дерева (в воду клали раскаленные камни), их примитивные постройки, в частности «погреб» — продолговатую яму, покрытую древесной корой, в перекладах которой лежали камни. Предметы из «погреба» Стеллер послал с казаком капитану, а сам прошел еще 6 верст, но не встретил людей.

Стеллер отметил, что в Америке на берегу пихтовые леса растут под 60° с. ш., тогда как на берегах Камчатки под 51° с. ш. лесов нет. Наличие лесов в Америке ученый связал с более умеренным климатом, преобладанием влажных ветров, что подтвердилось последующими исследованиями. Из растений он особенно выделил встречавшийся в огромных количествах новый вид малины с очень вкусными ягодами. «Стоило бы взять несколько кустов этой малины и доставить в ящике с землей в Петербург; не моя вина, что для них не оказалось помещения, ибо я сам... занимал на корабле слишком много места» [1]. На острове и в прибрежных водах Стеллер обнаружил сусликов, морских выдр, тюленей, китов, больших и малых акул.

На судне ученый продолжал изучать фауну моря. Более двух часов наблюдая неизвестное морское животное, Стеллер сделал следующую запись: «Тело зверя длинное, толстое, округлое, к хвосту утолщающееся, длиной около двух аршин. Голова собачья, со стоячими ушами. На верхней и нижней губе по обеим сторонам борода. Кожа покрыта густыми волосами, на спине серого, на брюхе рыжеватого-белого цвета. В воде животное кажется бурой коровой. Хвост двураздельный плавник, верхняя лопасть его вдвое длиннее нижней. Никаких следов передних конечностей... Оно подплывало к судну так близко, что до него можно было дотронуться шестом. Животное напоминало морское чудовище, которое изобразил К. Геснер в своей знаменитой книге «История животных» на гравюре с подписью «*Simia marina danica*» [морская обезьяна]» [1].

Но особенно большое значение имели исследования Стеллера о. Беринга —

необитаемого острова, где в тяжелейших условиях вынуждены были зимовать мореплаватели. Длительное плавание без свежей пищи вызвало цингу. Ею болела большая часть команды. Более месяца судно находилось в зоне бурь, и больные цингой люди терпели страшные бедствия. «Судно носило по морю, как колоду, оставленную во власти волнам и ветрам. Каждую минуту ждали гибели судна... Самое красноречивое перо не в состоянии было бы передать весь ужас, пережитый нами», — писал Стеллер [там же]. 4 ноября 1741 г. люди увидели землю. Положение судна было катастрофическим. Снасти разорвались. Только 10 человек, да и то с большим трудом могли выполнять судовые работы. Сухарей не было, воды оставалось мало. Беринг, который тоже болел цингой, «собрал к себе всех, кто мог дойти до его каюты». На собрании «все служители объявили, что оне более продолжать себя в работе на море за болезнь и крайним безсилием не могут, чего ради... согласно положили... стать на якорь для своего спасения» [6]. Вскоре после высадки на берег сильным штормом все якорные канаты были оторваны, и пакетбот был выброшен на берег.

Остров Беринга. Остров, получивший после смерти Беринга его имя (капитан-командор скончался вскоре после высадки), был необитаемым. Так как на острове преобладала в основном тундровая растительность, люди вынуждены были жить в ямах, вырытых в песке и покрытых парусами. Они сильно страдали от жестоких ураганов и снегопадов. «Весь ноябрь и декабрь, — писал капитан-лейтенант С. Ваксель, — мы прожили в величайших страданиях. За это время умерло около тридцати человек. Достоинно удивления, что мы все не погибли, так как большинство из нас лежали больными и были совершенно лишены средств для лечения и всего необходимого для поправки» [там же, с. 84]. В этих тяжелейших условиях проявились черты Стеллера — исключительное самообладание, мужество, трудолюбие. Он охотился на зверей, доставлял их, преодолевая расстояния в 20—30 километров, готовил пищу. «Большую услугу, — вспоминал Ваксель, — оказал нам адъютант Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения... и разнообразные травы; из них мы приготавливали чай, а некоторые травы употребляли в пищу, что приносило заметную пользу нашему здоровью» [6, с. 89]. С первых же дней пребывания на острове Стеллер начал его изучать. Он обследовал остров в топографическом, геологическом отношении, описал его флору³ и фауну, собрал гербарий и много коллекций рыб, зверей и птиц. Среди птиц особый интерес представляет открытый ученым эндемичный для о. Беринга вид — очковый большой баклан, или стеллеров баклан. Это большая птица весом 12—14 фунтов, из-за маленьких крыльев практически не способная летать. Птица известна науке только благодаря описанию Стеллера. Он был единственным натуралистом, видевшим ее живой [2].

Из исследований ученого на о. Беринга большой интерес для зоологов представляет его описание поведения млекопитающих, никогда до этого не сталкивавшихся с человеком. Стеллер оставил интереснейшие записи о поведении песцов на острове, которые не боялись человека. «Они, — писал ученый, — проникали днем и ночью в землянки и таскали все, что им попадалось... когда люди снимали шкуру с убитого зверя, они вертелись тут же и пытались вырвать мясо из рук... Если убивали нескольких песцов, когда они набрасывались на мертвого тюленя, то остальные не обращали на это никакого внимания и продолжали пожирать мясо». [1, с. 274—279].

Особенно обстоятельно описал Стеллер в своем дневнике поведение открытых им морских млекопитающих, и в первую очередь **морской коровы**. Добыть первое животное удалось только в середине мая. Лов такого крупного зверя (вес

³ В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранятся две рукописи Стеллера, в которых приводится 224 растения о. Беринга. Полтора века спустя Федченко (1906) в флоре острова отмечал 205 видов цветковых растений; С. В. Марakov (1972) — 400 видов, включая спорыевые.

его достигал 3 т) требовал участия всех членов экипажа. Поимка морской коровы давала много мяса, вкусного и питательного. Охота на морских коров вскоре стала обычным делом, таким образом проблема питания была решена.

В середине марта окончательно выяснилось, что земля, на которой находились люди,— остров. Осмотр пакетбота «Св. Петр» выявил, что он «весьма поврежден, котораго повреждения починить было нельзя и нечем, к тому ж и снять з берегу оной никакими мерами невозможно... и инаго способа о свободе своей никакой не сыскали... только чтоб ломать пакетбот» [5, с. 267] и строить из остатков новое судно. На постройку судна ушло три месяца. Оно получилось маленьким для 46 человек. С собой взяли только самое необходимое. Собранный с таким трудом скелет детеныша морской коровы и другие ценные коллекции пришлось оставить на острове. 13 августа 1742 г. бот вышел в море, а 26 числа того же месяца вошел в Петропавловскую бухту.

Исследования Камчатки. По возвращении с о. Беринга Стеллер провел на Камчатке два года (с августа 1742 по август 1744). Он изучил много вулканов и теплых источников. Восхождение на один из вулканов едва не стоило ему жизни. Весною 1744 г. при переезде на собаках по льду на о. Карача, лежащий в 30 км от берега, он провалился и спасся с большим трудом, прыгая с льдины на льдину. Стеллер проследовал вдоль восточного побережья от Петропавловской гавани до Коряцкого нагорья и от устья р. Большой до р. Озерной на западном побережье, посетил почти все остроги, собрал богатейшие коллекции растений и животных, провел этнографические, исторические и лингвистические исследования аборигенов. Стремясь собрать как можно больше материалов, Стеллер экономил на всем. Большую часть своих путешествий по Камчатке ученый проделал пешком. «Нигде, во всей Российской империи, летние и зимние путешествия не столь тягостны и опасны, как именно на Камчатке. Летом до сих пор приходилось из-за отсутствия лошади путешествовать либо пешком, либо по воде... По ивовым и ольховым лесам и по луговинам даже самому сильному мужчине не пройти в один день больше 20 верст главным образом из-за высокой, густой и крепкой травы, в полтора раза превышающей рост человека. По ительменским тропам ходьба так тяжела, что достаточно пройти по ним несколько верст, как ноги оказываются ранеными: эти тропы имеют ширину не более восьми вершков, причем они настолько глубоки и вытоптаны, что по ним идешь как по узкому каналу» [7, л. 468]. «Хотя зимние путешествия совершаются быстрее летних, но они сопряжены зато с более значительными опасностями и тяготами. Обычно ездят в санях на собаках. Езда на нартах при обилии гор, глубоких долин и густых лесов... утомляет ительменов-подводчиков сильнее, чем везущих сани собак: двум человекам приходится бежать рядом с собаками, притом угодным этим животным аллюром» [там же].

Стеллера интересовали не только природа края, но и история народов, его населяющих, их культура. Он обучал детей грамоте. По его распоряжению с 1742 г. был определен «обретающий здесь при казачьей службе Иван Попов при Большерецке обучать казачьих и иноземческих новокрещенных детей русской грамоте» [3, с. 613]. Стеллер всячески старался воспрепятствовать страшному притеснению камчадалов со стороны злоупотребляющих властью офицеров и служилых людей.

Считая Камчатку важным для экономики России краем, он ратовал за более полное хозяйственное освоение полуострова, разведение там скота, постройку новых русских поселений (острогов). Одним из препятствий для заселения края русскими были дороговизна хлеба (зерно везли из Якутска сложным путем). Пытаясь доказать, что без хлеба на Камчатке можно вполне обходиться, если использовать местные продукты, ученый прошел пешком от Большерецка до Верхнего Камчатского острога (242 версты). Сам он писал об этом так: «Как в 1743 г. шел я из Большерецкой в Верхней Камчатский острог пеш, когда хотя хлеб имел, в моем пути не ел, но рыбу, кореньями, травами и иными разными

вещами питался; хотя и часто для пешего ходу утружден бывал, однако ж от того ни малого силе моей вреда не имел и лучшего аппетита до смерти не желая» [1].

Пребывание на Камчатке — период титанического труда ученого, его беспримерного научного подвига. Им были собраны богатейшие материалы по географии, природным ресурсам края, фауне и флоре, а также по истории, этнографии его народов, написаны многие рукописи.

Конец пути. 3 августа 1744 г. Стеллер оставил Камчатку и отправился в обратный путь: Охотск, оттуда в Якутск, где провел зиму, затем Иркутск. Между тем в 1744 г. в Сенат поступил на Стеллера донос от мичмана Хметевского, который обвинял Стеллера, в том, что тот самовольно отпустил камчадалов, главных зачинщиков бунта против русских. Этот донос Хметевский послал в отместку за то, что Стеллер писал в Сенат о притеснении Хметевским аборигенов Камчатки. Сенат приказал Иркутской канцелярии строго допросить Стеллера. Поэтому в Иркутске ученый был призван в Канцелярию. Но после его объяснений Иркутская канцелярия нашла, что «виновности Стеллеровой не признается». Потеряв много времени в Иркутске, Стеллер продолжил свой путь. Лишь в январе был в Красноярске, в марте — в Тобольске и наконец в апреле того же года — в Соликамске. Ученый вез с Камчатки 14 ящиков с коллекциями животных, минералов, гербарии, редкие растения, которые намеревался высадить в ботаническом саду Академии наук. «Многие и долго продолжавшиеся осмотры собранных мною вещей и моего багажу,— писал Стеллер,— також и другие препятствия и досады причиною были, что я весною 1746 г. в Петербург прибыть не мог. Великое множество редких моих растений и кустов, которые я по указу с великим трудом собирал, на дороге растаяли, и я весною вынужден был их либо все бросить, либо в Соликамске остаться, к чему мне сад г. Демидова и прилежное надзиранье сего саду способными казались. И таким образом выбрал я сие последнее яко полезное для сада академического» [8, л. 179]. В саду Демидова Стеллер высадил 80 видов редких растений, надеясь их спасти. Здесь в Пермском крае, как и везде, ученый стремился максимально полно изучить природу. «Вознамерился я со всяким прилежанием исследовать Пермью... Я больше 2000 верст сего лета переездил на свой кошт для исследования в надежде, что оное милостиво примет Императрица и Академия» [там же, л. 179—182]. В августе того же года Стеллер вернулся в Соликамск, чтобы продолжить путь в Петербург, и здесь его настиг курьер, прибывший по распоряжению Сената, чтобы отвезти его обратно в Иркутск для производства над ним следствия. Оказалось, что Сенат получил известие из Сибирского приказа о том, что Стеллер 25 марта проехал Верхотурье по дороге в Петербург, тогда как донесение Иркутской канцелярии о невинности Стеллера дойти до Сената еще не успело. В сопровождении пристава «в одном кафтане с шестьюдесятью рублями» ученый вынужден был ехать назад в Иркутск. Около Тары Стеллера догнал другой курьер, посланный Сенатом, с известием о разрешении адъютанту возвратиться в Петербург. Но до Петербурга ему так и не суждено было доехать. По дороге в столицу, в Тюмени, Стеллер скончался, где и похоронен. Ему было всего 37 лет.

После Стеллера осталось огромной ценности научное наследство — многочисленные рукописи и черновые записи, которые были доставлены в Петербург, в Академию наук⁴. Титанический труд Стеллера для науки не пропал. Рукописями ученого пользовались многие русские академики. Наиболее полно использовал их в своей книге «Описание Земли Камчатки» академик С. П. Крашенинников, как того требовала от него Петербургская академия наук, а также академики П. С. Палас, К. М. Бэр, Ф. Ф. Брандт, А. Ф. Миддендорф и др.

Важнейшая из работ Стеллера — «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» [7] была опубликована после смерти ученого в 1774 г. на немецком языке.

⁴ Рукописи Стеллера хранятся в Ленинградском отделении архива Академии наук СССР.

К сожалению, это сочинение Стеллера, имеющее большое значение для истории исследования Камчатки, не было издано на русском языке⁵. Всемирную известность получили и другие произведения Стеллера: «*Topographische und physikalische Beschreibung der Bering insel*» [9], «*Tagebush seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Kuste von Amerika*» [1] и особенно его знаменитый труд «*De bestiis marinis*», в которых впервые была описана природа Камчатки, Аляски и Командорских островов. Его сводки флоры и фауны Камчатки, составленные почти 250 лет тому назад, удивительно точны и сохраняют свое значение и в настоящее время. Огромен вклад Стеллера в зоологию. В труде «*Beschreibung von dem Lande Kamtschatka*» [7], начатом еще во время пребывания на Камчатке, Стеллер дал характеристику териофауны полуострова. В главе «О сухопутных камчатских животных» ученый описал 18 наземных млекопитающих (включая собаку): северного оленя, медведя, волка, росомуху, соболя, лисицу, песца, горностаю, ласку, зайца, сурка, еврашку (американского суслика), речную выдру, каменного барана и три вида мышей [11]. В главе «О морских животных, которых ловят у Камчатских берегов, о приносимой ими пользе и об их употреблении» он указал 10 видов: морскую корову, калана, морского котика, сивуча, моржа, лахтака, ларгу, крылатку, белуху и кита. Всего Стеллер привел 28 названий млекопитающих. Ученый не только отметил состав представителей наземной и морской фауны, но и сообщил о встречаемости каждого зверя, местах его распространения, хозяйственном значении, способах лова. Особенно детально описал Стеллер открытые им виды морских млекопитающих: морскую корову, сивуча, калана, северного морского котика [10].

Стеллер отметил своеобразие фауны Камчатки: обилие морских млекопитающих, отсутствие многих типично таежных видов зверей (белки, летяги, бурундука). «Начиная с Печина (р. Пенжина.— В. С., Я. П.),— писал он,— нигде не встречаются бурундуки и белки, равно как не видно летающих белок, хотя они нашли бы на Камчатке корм в изобилии. Происходит это от того, что обширные, совершенно оголенные торфяные пространства, отделяющие Камчатку от азиатского материка, препятствуют их приходу сюда» [7, л. 150—169]. Характеристика териофауны Камчатки, которую дал Стеллер, была исключительно точной. Она легла в основу представлений о фауне этого полуострова.

Стеллер первым исследовал зверей в естественной среде их обитания, первым в истории русской науки описал периодические явления в их жизни (сезонные миграции, брачные игры, воспитание детенышей, зимнюю спячку). Он оставил прекрасные описания сезонных миграций медведей, мышей. «Весною эти звери [медведи] толпами спускаются с гор, от истоков рек, куда они осенью отправившись в поисках пищи и для зимовки. Они добираются до устьев этих рек и, стоя на берегу, ловят рыбу... Самая поразительная особенность камчатских мышей та, что они... совершают странствия и в определенное время целыми толпами внезапно исчезают вовсе с Камчатки, так что тогда не увидишь ни одной мыши, за исключением домашних... Уход мышей происходит всегда весною... они движутся напрямик, не обходя ни луж, ни озер, но переплывают самые быстрые реки и крупнейшие водоемы, причем многие тонут... [там же].

Стеллер отмечал тесную зависимость животных как наземных, так и морских от окружающих условий, дал гениальные образцы экологических наблюдений влияния климата и пищи на размеры зверя и длину и цвет его шерсти. «Обратите внимание на белок,— писал он.— По реке Обь они крупные и имеют длинную серовато-белую шерсть, тогда как в Обдорске размеры их тела уменьшены на одну треть, а волосы толще и короче. В Баргузине белки черные,

⁵ В 1938 г. А. Н. Горлиным и Г. Г. Генкелем был сделан русский перевод, но это сочинение так и не увидело свет. Рукопись перевода хранится в архиве Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Ленинград).

в Верхоянске они имеют пеструю окраску, черную с белым. Различия в длине и густоте волос зависят от климата, различия в окраске связаны с пищей. Там, где лиственницы не теряют листву или обычны кедры и пихты, там шерсть имеет пепельно-белую окраску. В местах, где лиственницы теряют листву и где растут ели, окраска волос черная» [12, предисл.].

Представляют интерес общебиологические взгляды Стеллера. Например, изменчивость живой природы ученый связывал с климатическими условиями. Он писал, что «различные климатическое способствует изменению внешней формы видов» (*quantum climatis diversitas and mutationen speciorum formen conforat*)» [7, л. 69—79]. Наиболее полно свои мысли о природе изменчивости Стеллер изложил в работе [10, предисл.]. «Некоторые виды распространены повсеместно. Однако они могут изменяться в зависимости от того, встречаются они в более холодных или жарких местах и в зависимости от питания... Длительная привычка изменяет в конце концов внешний облик... европейские лошади, попавшие в Сибирь, становятся постепенно все меньше размером, но значительно выносливей. Если их завести еще дальше — в Индию или Китай — они становятся еще более стройными и миниатюрными и со временем превращаются в совсем особый вид [там же]. Стеллер, однако, не был эволюционистом, как большинство его современников, он был сторонником креационизма, объясняя приспособленность животных к среде обитания телеологически. Подчеркивая значение климата как фактора изменчивости, Стеллер отметил относительный характер этих изменений. Он писал: «Если подобное животное будет вновь перенесено в иную климатическую зону, то оно снова утрачивает свой измененный облик и возвращается к первоначальному состоянию» [там же]. Эти же мысли Стеллера получили в дальнейшем развитие в трактате академика П. С. Палласа «*Memoire su la variation des animaux*», привлеком внимание Ч. Дарвина [13, с. 274].

Описания животных Стеллером отличались от зоологических трудов первой половины XVIII в. многоаспектностью (черты зоологии XIX в.).

Бессмертная слава Стеллера — в описании морской коровы, получившей название «стеллерова морская корова». Спустя 27 лет после того как это морское млекопитающее было открыто, в результате хищнического промысла оно было полностью истреблено. Последнее животное убито в 1768 г., когда два морских офицера, посланных русским правительством, находились на о. Беринга [12, с. 50—54]. Это удивительное животное, отличавшееся своеобразным поведением, было реликтом о. Беринга. Не окажись Стеллера в составе экспедиции Беринга, морская корова могла исчезнуть, навсегда оставшись для науки тайной.

О научном наследии Стеллера выдающийся русский зоолог академик Петербургской академии наук Ф. Ф. Брандт писал: «Все эти труды были результатом немногих лет. Чего бы не был в состоянии выполнить такой человек, если бы ему была суждена другая судьба» [13].

Вся жизнь Стеллера — научный подвиг, посвященный его второй родине — России. С полным основанием проф. Б. М. Житков писал о Стеллере, что «он внес особенно яркие страницы в историю русских исследований Северо-Восточной Сибири и американских владений России» [14, с. 170].

Список литературы

1. Stellers vormaligen Adjunkts bei der Kais. Acad. L. Wissenschaften Tagebuch Seiner Seereise aus dem Petripaulus Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von America und seiner Begehbenheiten auf der Rückreise. St. Petersburg, 1793.
2. Stejneger L. Georg Wilhelm Steller, the pioneer of Alaskan natural history. Cambridge. Mass, 1936.
3. Пекарский П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870.
4. ГАФКЭ, государственный архив МИД, 1732—1743. Т. XXIV. 9.

5. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. / Сб. документов. М., 1984.
6. *Ваксель С.* Вторая камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л., 1940.
7. *Steller G. W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern deren Sitten, Namen, Labensart und Verschieden Gewohnheiten. Frankfurt und Leipzig, 1774; цит. по русск. пер. А. Н. Горлина, Г. Г. Генкеля // ЛО архива Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 240/К-II. Оп. 1.
8. ЛО архива АН СССР. Ф. 3. Оп. 1. № 813.
9. *Steller G. W.* Topographische und phisikalische Beschreibung der Bering Insel, welche im ostlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt // Neue Nordische Beytrage. 1781, V. 2. S. 255—301.
10. *Steller G. W.* De bestiis marinis // Novi Comment. Acad. Petropol. V. II. Petropolitanae, 1751.
11. *Новиков П. А.* Стеллер как зоолог // Тр. совещания по истории естествознания и техники АН СССР. 24—26 дек. 1946. М.; Л., 1948. С. 265—285.
12. Тридцать первое присуждение учрежденных Демидовым наград. 1862. С. 50—54.
13. *Brandt J. F.* Contributions to sirenology, being principally an illustrated natural history of Rhytina (Symbolae sirenologicae quibus praecipue Rhytinae historia naturalis illustratur). St. Petersburg, 1849; Belgrade, 1974.
14. *Житков Б. М.* Морская выдра в описании Стеллера // Научно-методические записки Главного управления по заповедникам. 1939. № 4. С. 166—188.

В. П. МЕЛЬНИКОВ

ПОЛУЗАБЫТЫЙ ФЕНОМЕН

75 лет назад, в самом разгаре первой мировой войны, на страницах научной печати было впервые названо явление, исчерпывающего объяснения которому, на наш взгляд, не найдено до настоящего времени. В 1915 г. в «Журнале Русского физико-химического общества» была напечатана статья Е. В. Бирона «Явления вторичной периодичности» [1]. Но идеи русского ученого, содержащиеся в статье, не нашли должной оценки у современников. До сих пор мало работ, специально посвященных исследованию этого своеобразного явления, на существование которого впервые указал Е. В. Бирон [2—5].

Остановимся вкратце на биографии автора, жизнь и деятельность которого мало известны даже специалистам.

Евгений Владиславович Бирон был дальним потомком Э. Бирона, известного временщика периода правления Анны Иоанновны. Он родился 6 (18) сентября 1874 г. в г. Калише (Царство Польское) в семье армейского офицера. Позднее жил в Петербурге, где учился в Училище правоведения, а с 1893 г. — на физико-математическом факультете университета под руководством Д. П. Коновалова, В. Е. Тищенко и Н. А. Меншуткина. По окончании курса остался работать в университете и в 1907 г. получил степень магистра химии. В 1910 г. Бирон был избран профессором кафедры химии Лесного института — преемником М. Г. Кучерова. В 1913 г. блестяще защитил докторскую диссертацию.

В годы мировой войны Бирон активно занимался исследованием химического оружия и методов защиты от него, что существенно повредило его здоровью. Тяжелое сердечное заболевание потребовало смены климата, и в августе 1917 г. ученый с семьей выехал в Томск, где через год был избран профессором Томского технологического института. Однако в декабре 1918 г. в результате обострения болезни он вынужден был прервать активную деятельность. Прогрессирующее заболевание и тяжелые бытовые условия того времени стали причинами ранней смерти Е. В. Бирона, последовавшей 16 августа 1919 г.

В памяти соотечественников Бирон остался прежде всего как один из крупных специалистов в области физической химии. Он приложил немало усилий, чтобы ввести этот предмет в обязательную программу для студентов-химиков университета. Благодаря стараниям Бирона в 1910 г. была создана специальная лаборатория физической химии университета, он разработал и читал курс лекций, а посмертно было опубликовано подготовленное им пособие по физической химии [2]. Последняя же его прижизненная статья [1], как это ни удивительно, широкого резонанса не получила.

Бирон напомнил, что большинство химиков на практике руководствуются «правилом триад», предложенным еще И. Дёберейнером в первой трети XIX в. Из этого правила следует, что из трех элементов-аналогов (входящих в одну подгруппу периодической системы Д. И. Менделеева) средний по атомному